

Император Цзэ держал в руках чашку чая, размышляя над словами канцлера Чжао.

Таких даосов он видел несчетное количество – все они, возомнив себя великими мастерами благодаря жалким фокусам, пытались добиться титула государственного наставника, чтобы затем, обретя высокие чины и богатство, манипулировать двором. Подобное вызывало в нем глубочайшее отвращение.

Император поднял взгляд на Цю Ланьхэ и увидел, что тот с улыбкой наблюдает за ним. Он слегка кашлянул, и уже готовое сорваться с языка «казнить палками» превратилось в нечто иное:

- Приказать: выдать старому даосу сто лянов серебра и отправить его под конвоем в Интяньфу для возвращения на родину.

... В конце концов, этот даос пару раз хорошо отозвался о двух бездельниках из семьи Цю, а раз Цю Ланьхэ это приятно – пусть живет.

Помилуем его.

Только теперь канцлер Чжао вспомнил, что рядом сидит Цю Ланьхэ, и поспешил сгладить ситуацию:

- Даос, не знающий «Дао Дэ Цзин» – это же верх абсурда!.. Ваше Величество проявили великодушие.

Император Цзэ опустил глаза и отхлебнул чаю, а Цю Ланьхэ лишь улыбнулся:

- Ведь мы только покинули Яньцзин, проливать кровь сейчас – дурная примета.

Канцлер Чжао, видя, что Цю Ланьхэ не придавал происшествию значения, облегченно вздохнул. Хотя он и был старше и опытнее Цю Ланьхэ, оба они являлись доверенными лицами императора, и если бы Цю Ланьхэ решил ему навредить, проблем бы не оберешься...

Канцлер Чжао даже понимал Цю Ланьхэ. У него самого была младшая дочь, ленивая и безынициативная, и он потратил уйму сил, чтобы привить ей хоть какие-то манеры. Если бы в детстве дочери какой-нибудь даос предсказал ей великое будущее и безмятежную жизнь, а затем коллега объявил бы его шарлатаном – он бы тоже рассердился.

Своих детей ругать можно, но кто позволит это другим?

- Эй, ты вообще кто такой, чтобы сместь оскорблять моих детей?! Ты хоть понимаешь, с кем говоришь?!

Гвардейцы, получив приказ, направились к даосу. Тот самодовольно погладил длинную бороду, уже представляя, как вскоре будет вершить судьбы империи, наслаждаясь властью и красавицами. Он величественно протянул руку, ожидая, что его почтительно поддержат, но гвардейцы схватили его и грубо скрутили за спину, сунув в одежду столь же грубо свернутый вексель на сто лянов:

- Отправьте его в Интяньфу!

- Есть! – гаркнули гвардейцы, ловко связывая даосу руки веревкой. – Пошел!

Даос растерялся, а затем возмутился, словно его оскорбили:

- Это же варварство! Варварство! Я сам пойду! Хм! Неуважение...

Внезапно его прервал чей-то голос:

- Братя, проводите его нормально, без веревки.

Все обернулись и увидели, что занавеска кареты первого министра Цю слегка приподнята. Это был девятнадцатый сын министра, который ранее беседовал с даосом. Неужели они знакомы? Не успели гвардейцы ответить, как бамбуковая занавеска вновь опустилась, и ленивый голос продолжил:

- Пусть кто-нибудь наградит старого даоса пятьюдесятью ляннами.

Другой юноша внутри добавил:

- И я добавлю. Хорошо говорит - не зря язык во рту держит.

Все сразу поняли. Гвардейцы на мгновение заколебались - обычно арестованных связывали, но строгих правил на этот счет не было. Раз уж сыновья министра Цю так сказали, значит, так и быть!

Даосу развязали руки, и он уже хотел что-то сказать, но караван тронулся. Когда карета министра поравнялась с ним, он услышал, как один из юношей внутри произнес:

- Сера взята с избытком, хватило бы и трети.

Даос замер. Гвардейцы толкнули его:

- Шевелись!

Только тогда он очнулся, высокомерно взмахнул рукавами и заявил:

- Я сам пойду! Не трудитесь подгонять!

Честно говоря, путешествие с императором открыло им множество новых впечатлений, и этот даос был лишь одним из многих. Например, сейчас, когда они наконец добрались до реки Вэй на закате и готовились подняться на корабль, из толпы поклонившихся людей внезапно вырвался мужчина с длинным мечом. Прорвавшись сквозь ряды гвардейцев, он закричал:

- Простой народ обвиняет Ли Вана, начальника уезда Чаофэн в префектуре Лихэ, в произволе и убийствах!

С этими словами он вонзил меч себе в грудь. Глаза его широко раскрылись, словно готовые вылезти из орбит. Стиснув зубы, он повторил обвинение еще несколько раз и испустил дух.

Император Цзэ появился на публике.

Возможно, он просто собирался выйти из паланкина.

Его лицо оставалось спокойным, будто перед ним лежала не человеческая жертва, а какая-то мелкая тварь. Не останавливаясь, он приказал:

- Разобраться. Как получилось, что люди идут на смерть с обвинениями?

Это дело не требовало вмешательства Цю Ланьхэ. Склонивший голову евнух почтительно ответил:

- Слушаюсь, Ваше Величество.

Затем, словно ничего не произошло, он последовал за императором на императорскую джонку.

Благодаря высокому положению Цю Ланьхэ также получил джонку для отдыха. Поскольку днем он вряд ли вернется, а других родственников с ним не было, джонку «унаследовали» Цю Ибо и Бо'Эр. Кроме них, на борту находились помощники и советники Цю Ланьхэ.

Путешествие по реке до загородного дворца на Вэй займет полмесяца.

Едва поднявшись на борт, Цю Ибо и Бо'Эр с наслаждением окунулись в прохладу ванны. Только сегодня они заметили, что начали потеть. В карете, конечно, стояли ледяные чаши, но толку от них было мало – даже в современном мире с кондиционерами никто не станет менять окна и двери на сетки, иначе какой смысл? А уж от ледяных чаш и подавно.

Температура понижалась всего на два-три градуса, но если с тридцати восьми до тридцати пяти – все равно жарко, и пот течет даже без движения.

Когда они закончили омовение, уже окончательно стемнело. Речной бриз приносил приятную прохладу.

Вернувшись на джонку, Цю Ланьхэ увидел, как Цю Ибо и Бо'Эр развалились на лежанке, окруженные ледяными чашами, а странный механизм быстро вращался, обдувая их веером. Их длинные волосы, еще слегка влажные, свободно раскинулись по лежанке, а они сами лениво потягивали охлажденные напитки. Он усмехнулся про себя – молодежь есть молодежь, но все же предупредил:

- Берегите голову.

- Дядя Ланьхэ, вы вернулись! – Бо'Эр повернулся к нему. – Тяжелый день? Садитесь!

- Вы меня звали? – спросил Цю Ланьхэ.

Он бы не пришел в их каюту без причины, но эти двое велели слугам позвать его, как только он вернется. Цю Ибо улыбнулся и указал на вентилятор:

- Дядя, попробуйте, это восхитительно.

Идея пришла ему во время купания. Без кондиционера можно обойтись, но вентилятор – другое дело! Они, конечно, не могли сделать фреон, но механический вентилятор с пружинным механизмом – легко. Просто разобрали старую водяную пушку, добавили пару шестеренок – и готово!

(И никакой духовной энергии – это же старые запасы!)

Цю Ланьхэ улыбнулся, сел рядом и наслаждался прохладным ветерком:

- Действительно хорошо. Как сделали?

- На духохраниющих камнях, – объяснил Цю Ибо, сразу поняв его мысль. – Принцип прост... но чтобы вращалось так быстро, конструкция сложнее. Ремесленники смогут скопировать только

корпус.

Цю Ибо одним прыжком преодолел этапы паровой и электрической промышленности, сразу перейдя к «духовной» механике. Учитывая, что в Чжумин даже пружинных механизмов еще не изобрели, создать быстровращающийся вентилятор было крайне сложно.

Цю Ланьхэ задумался и предложил:

- А если использовать водяное колесо? Установить большие лопасти...

Бо'Эр покачал головой:

- Можно, но у воды и так ветрено. Водяные колеса обычно ставят на реках или ручьях, где течение едва хватает для вращения. Если скорость мала – толку ноль. А для быстрого вращения нужны водопады или пороги, но какие материалы выдержат такой напор? Да и зачем?

Цю Ланьхэ кивнул:

- Верно, я не подумал.

- Эй, погодите! – Цю Ибо внезапно осенило. – Мы не можем, а другие – могут! Быстрее, пока корабль не ушел далеко, напишем письмо домой, пусть передадут в Байляньшань Ци Ваньчжоу – пусть сделает нам кондиционер!

- Или хотя бы вентилятор!

Бо'Эр тоже просиял:

- Почему я не догадался?! Дядя Ланьхэ!

Оба устремили на него взгляды.

Цю Ланьхэ, хоть и не понимал, что такое «кондиционер» или «вентилятор», догадался, что речь о подобных вещах. Он улыбнулся:

- Пишите, я отправлю. Но письмо туда-обратно займет несколько месяцев – к тому времени уже похолодает.

Улыбки Бо'Эра и Цю Ибо застыли, затем лица их исказились от обиды. Цю Ланьхэ утешил:

- Пусть и с опозданием, но к следующему году будете готовы.

Это немного успокоило их.

Через пятнадцать дней они наконец достигли загородного дворца на Вэй. Местные чиновники и народ, конечно, вышли встречать. Здесь действительно было прохладнее, особенно по сравнению с душным Яньцином. Цю Ибо и Бо'Эр не стали ждать медлительной процессии – у семьи Цю здесь уже было подготовлено поместье, все готово к их приезду.

Поместье Цю располагалось недалеко от дворца. Честно говоря, оно было не таким уж большим – три двора против владений других знатных семей, но зато находилось в лучшем месте с точки зрения фэншуй. Цю Ибо и Бо'Эр выбрали его наугад – сначала хотели посмотреть поместье Цю Ланьхэ, но дом семьи Цю был удобнее и ближе, так что остановились

на нем.

Переступив порог, они увидели просторный зал с павильонами по сторонам. В центре был вырыт дворик-«небный колодец», под которым находился небольшой пруд, выдолбленный, казалось, из цельного камня. В нем росли несколько кувшинок, а среди них плавали карпы кои. Оба сразу влюбились в это место.

В доме тоже было прохладно, на три-четыре градуса ниже, чем снаружи, но без ощущения сырости – просто приятная свежесть.

Видимо, слуги получили указания не беспокоить хозяев, поэтому людей вокруг было мало. Старый слуга провел их по поместью, показал все уголки, а затем удалился. Они чувствовали, что в поместье много слуг, но не обращали внимания – главное, чтобы было комфортно.

Больше всего им нравился «небный колодец». Казалось, жизнь наконец стала такой, о какой они мечтали: никаких помех, денег вдоволь, изысканная еда, полная свобода. Не нужно тренироваться с мечом, не нужно размышлять о духовных практиках – можно спать до полудня, делать что угодно, хоть целый день сидеть у пруда, предаваясь мечтам или читая романы, и никто не скажет ни слова.

И никто не мешал.

Так прошел месяц. Снаружи становилось все жарче, а в старом доме сохранялась приятная прохлада. Цю Ибо сидел у «небного колодца», наблюдая, как капли дождя, словно занавес, падают с крыши в пруд с карпами, и вдруг ощутил скуку.

Слишком скучно.

Необъяснимое чувство тревоги охватило его, заставив ерзать на месте.

- Бо'Эр, как давно мы не выполняли ежедневные задания?

В тишине прозвучал его голос.

Бо'Эр задумался:

- Полгода, наверное.

Кажется, с тех пор как вернулись в мир смертных, они забросили практики Линсяо. Из-за запрета использовать духовную энергию они лишь разрабатывали проекты и модифицировали бытовые предметы, но не более того.

Как будто путь совершенствования исчез из их жизни.

Цю Ибо взглянул на хмурое небо и тихо сказал:

- Я хочу тренироваться с мечом.

- Тогда тренируйся.

Цю Ибо взял меч и с удивлением обнаружил, что движения даются ему с трудом.

Он начал тренироваться – яростно, словно пытаюсь наверстать упущенное. Но иногда Бо'Эр замечал, что он даже не ставил песочные часы, просто механически размахивал мечом снова и

снова. Меч Шукуан даже не успевал превращаться в журавля и размять крылья.

- Хватит, - наконец сказал Бо'Эр, словно понимая что-то. - Хватит, какой в этом смысл?

Он заметил, что Цю Ибо теряет навык.

Его меч всегда был легким, но с отточенной грацией. Их талант к фехтованию был неплох, даже очень хорош - просто не такой ослепительный, как у Вэнь Игуана или Цю Лули. Если бы они посвятили себя мечу, то могли бы достичь высот, но сейчас... Меч Цю Ибо был деревянным, безжизненным, лишенным души.

Бо'Эр почувствовал, как нарастает раздражение.

- Не говори, - тихо сказал Цю Ибо. - Я знаю, что со мной что-то не так. Но и ты не лучше. Я тренируюсь, а если тебе не нравится - иди в комнату.

Бо'Эр автоматически огрызнулся:

- Плохо тренируешься - терпи критику! Я же сказал, это бесполезно! Кого ты пытаешься впечатлить? Меня?!

- Не хочу ссориться. Иди внутрь.

Бо'Эр почувствовал, как гнев накатывает волной:

- Почему я должен уходить? А ты не можешь?!

Цю Ибо равнодушно посмотрел на него и продолжил тренировку.

Бо'Эр внезапно бросился на него, выхватив меч Жэньцин и безжалостно атакуя. Цю Ибо инстинктивно парировал Шукуаном, и звон стали оглушил их.

- Драка, - сквозь зубы произнес Бо'Эр.

- ...Ладно.

Они не использовали духовную энергию, но каждый удар был на грани. Даже без подпитки такие клинки, как Шукуан и Жэньцин, могли рассечь кожу и пронзить плоть. Уже через несколько движений оба были в крови.

Острая боль напоминала им о реальности.

Но никто не обращал внимания.

В душе каждого клокотало нечто, требовавшее выхода. Свист Шукуана напоминал крик журавля, зеленые и красные тени сплетались в бешеном танце. Вдруг Цю Ибо почувствовал, что все замерло. Старинная мебель и утварь погрузились в тень, и только Бо'Эр оставался ярким, цветным.

Но даже он начал тускнеть.

Внезапно Шукуан заблокировал Жэньцин. Цю Ибо развернул запястье, заставив Бо'Эра последовать за движением, чтобы смягчить удар. Но затем Цю Ибо неожиданно отпустил меч, схватил Бо'Эра за руку, нажал на какую-то точку - и Шукуан вместе с Жэньцином вылетели из

рук, вонзившись в балку с глухим стуком.

Цю Ибо широко раскрытыми глазами смотрел на Бо'Эра. Оба были покрыты потом и кровью. Внезапно он обнял его и страстно поцеловал.

В переплетении губ Бо'Эр почувствовал, как его нижняя губа была укушена до крови. Металлический вкус заполнил их рты. Бо'Эр расслабился, обнял его в ответ и ответил на поцелуй с такой же жаждой, словно пытаясь убедиться, что другой все еще существует.

Дыхание, сердцебиение, духовное сознание...

- Он здесь. Он все еще здесь.

Губы горели.

Неизвестно, сколько времени прошло, но они одновременно отпустили друг друга и рухнули на землю.

Под ними был каменный пол. Оба вскрикнули от боли.

Они лежали у «небного колодца», тяжело дыша, пока дождь падал на них сверху.

В помещении не было слышно ничего, кроме шума дождя.

Цю Ибо отмахнулся от крыла Шукуана, пытавшегося прикрыть их от воды, и пробормотал:

- Ты совсем охренел? Нужно было так ожесточаться?

Несмотря на ругательства, его голос звучал устало, будто он не спал целую вечность.

- Сам охренел, - огрызнулся Бо'Эр.

- ...Охренели оба, - лениво заключил Цю Ибо.

Капля дождя упала ему в глаз, вызвав жгучую боль. Он потер глаз, с трудом перевернулся на бок и посмотрел на Бо'Эра:

- Завтра начну медитировать.

- Думаю, бесполезно.

- Проверим.

- Ага.

Цю Ибо и Бо'Эр начали медитировать.

Но сколько бы они ни погружались в состояние покоя, их культивация оставалась на уровне середины и начала Золотого Ядра, без малейшего прогресса. Проклятый кризис тоже не отступал.

Однажды Цю Ибо резко прервал медитацию, схватился за рот и начал рвать. Бо'Эр, разбуженный его движениями, поспешно подал воду:

- Что случилось?

Цю Ибо отпил, но снова скривился от тошноты. Он схватил Бо'Эра за руку и с недоверием прошептал:

- ...Я голоден.

Не в смысле «хочу перекусить» или «пора поесть по расписанию», а по-настоящему – желудочный сок поднимался в горло, обжигая пищевод едкой горечью.

Бо'Эр замер, затем внезапно прижал руку к своему животу и тоже скривился:

- ...И я тоже.

- Сколько дней прошло? Сколько мы медитировали?

Бо'Эр ответил:

- ...Два.

Оба почувствовали, как камень падает в душу. Это был плохой знак.

Сначала они не могли использовать духовную энергию, потом начали потеть от жары, теперь голодали... Постепенно к ним возвращались черты обычных людей.

- Так нельзя, - Цю Ибо достал пилюлю «Бигу» и проглотил, затем дал одну Бо'Эру. Пилюля растворилась, наполняя их тела духовной энергией и питательными веществами. - Похоже, кризис так не преодолеть.

Бо'Эр нахмурился:

- Я тоже так думаю. Но отец и дядя сказали, что этот кризис нужно пройти самостоятельно... Ни у кого из наших знакомых не было такого, почему именно мы?

Среди их сверстников - ни у Вэнь Игуана, ни у Цю Хуайли или Цю Лули - не было подобного кризиса. А письма от Цю Линьхуая и Цю Линьюя были туманными, а потом и вовсе перестали приходить. Никаких подсказок, только «полагайтесь на себя».

Их настроение было хуже некуда.

- Раньше, у дяди Ланьхэ, все было нормально... - Цю Ибо не был уверен, то ли дело в доме Цю Ланьхэ, то ли симптомы тогда были слабее.

Бо'Эр мрачно пробормотал:

- Раньше, когда играли или гуляли, погружаясь в процесс, не замечали дискомфорта. Разве что в свободное время немного... Э?

Они переглянулись.

А потом вспомнили, как жили у реки Вэй...

Не выходили, не общались, не учились, не практиковались.

Может, кризис требует постоянной занятости?

Вот это поворот...

Цю Ибо не удержался от комментария:

- Думаю, этот кризис специально создан, чтобы нас мучить.

- Согласен.

- Чем бы заняться? - лениво спросил Цю Ибо. - Не хочу шевелиться. Нужен кто-то, кто будет нас подстегивать... Где дядя Ланьхэ? Чем он занят?

Чтобы их подстегивать, нужен был авторитетный человек, способный их контролировать. В мире смертных таким был только Цю Ланьхэ.

Бо'Эр тупо ответил:

- Не знаю.

Цю Ланьхэ, видя, что они не хотят, чтобы их беспокоили, давно не появлялся.

Бо'Эр предложил:

- Может, спросишь у слуг?..

- А ты почему не спросишь?

Они одновременно показали «камень-ножницы-бумагу». Цю Ибо выбросил «бумагу», Бо'Эр - «ножницы».

Бо'Эр ехидно поднял бровь и потряс своими «ножницами».

Цю Ибо взглянул на свою «бумагу» и неохотно поднялся с лежанки:

- Ладно, я.

Он побрел к выходу. После той драки слуги в ужасе разбежались, и они с Бо'Эром закрыли внутренние дворы, запретив вход. Теперь, чтобы найти кого-то, нужно было идти во внешние дворы.

Он вышел в коридор и вдруг остановился.

Мелкий дождь стучал по черепице, наполняя сад легкой дымкой. Цветы и деревья шевелились на ветру, зелень была сочной и яркой.

Он вдруг осознал, как прекрасен мир снаружи.

Передумав, он взял у стены зонт, открыл ворота и вышел.

- Бо'Эр, пошли найдем дядю Ланьхэ!

- Не пойду!

- Пойдешь!

- Я же выиграл!

- Передумал! Быстрее!

<http://bllate.org/book/14686/1310440>